

© 2003 г. О. А. КУРБАТОВ

“ЛИТОВСКИЙ ПОХОД 1655 ГОДА” КНЯЗЯ И.А. ХОВАНСКОГО И БИТВА ПРИ ПОЛОНКЕ

В отечественной историографии степень изученности второго этапа (1655–1667) войны России и Речи Посполитой (1655–1667), в особенности хода военных действий, чрезвычайно мала: достаточно сказать, что наиболее подробным его описанием до сих пор остаются главы “Истории России с древнейших времен” С.М. Соловьева. Однако в указанном труде изложению военной канвы событий уделяется меньше внимания, чем дипломатической стороне вопроса; первое в смысловом плане и композиционно подчинено второму. В итоге, оценки походов весьма невняты: в частности, ничего не сказано о целях и характере Литовского похода Новгородского полка 1655–1660 гг., о его силах, о замыслах командования и тому подобное, даже краткое описание содержит ошибки и вовсе не упоминает такой важный эпизод, как осада Ляховичей. Позднейшие работы содержат лишь несущественные дополнения к изложенной историком канве событий [1. С. 508–517; 2. С. 118–125]. При этом характеристика русского полководца кн. И.А. Хованского, данная Соловьевым полтора века назад, без сомнений продолжает приниматься рядом современных исследователей [3. С. 69, 70; 4. С. 173–175]. Между тем, достаточно взглянуть на круг источников, которыми располагал великий историк, на подчиненность их использования пристрастной авторской концепции, чтобы понять всю важность нового исследования с привлечением более широкого круга материалов.

Походы 1655–1659 гг. предали под “высокую царскую руку” обширные территории Великого княжества Литовского (ВКЛ), однако для значительной части шляхты и мещан подчинение царской власти стало вынужденной мерой ради сохранения жизни и имущества. Выступление против русских гетмана И. Выговского на Украине и казачьего полковника И. Нечая в Белоруссии в сентябре 1658 г., поддержанное великим гетманом Литовским П. Сапегой, вызвало почти поголовное восстание “присяжной шляхты”. Первые успехи были облегчены слабостью русских войск на этой разоренной и враждебной территории, где с трудом могли прокормиться лишь гарнизоны крупных городов. Только к концу 1659 г. войска кн. А.Н. Трубецкого и В.Б. Шереметева ликвидировали “измену” в Малороссии, а спешно созданный полк кн. И.И. Лобанова-Ростовского вновь покорил царской власти восточную часть Белой России (до р. Березины). Между тем, переговоры о мире с польской стороной все время заходили в тупик. Поляки намеренно затягивали их, стремясь лишь выиграть время для завершения войны со Швецией, после чего обратиться уже против “москалей”. В октябре 1659 г. Алексей Михайлович, наконец, посчитал возможным прямо объявить о возобновлении войны с Речью Посполитой. Непосредственным

поводом послужила неудача “переговоров Ивана Желябовского” о назначении нового “съезда послов”, к чему король и сенаторы “доброхотства [ни]какова не показали и отпустили его, Ивана, безде[льно]” [5. Ф. 210. Оп. 12. Д. 418. Л. 358]. Ответ на подобное “бесчестье царскому имени” был жесткий: “И прося у Бога милости, велели мы, великий государь, нашим царского величества боярам и воеводам и ратным людям, за его королевские неправды, итти на него войною”, – говорилось в грамоте к полоцкой шляхте [6. С. 503 – 505]. Здесь же сообщалось, что “в Вильну ... послан боярин наш и воеводы князь Иван Андреевич Хованский со товарищи, с нашими царского величества ратными людьми, и за Божьею помощью над польскими людьми велено им чинить промысл”. По наказу он должен был известить все же назначенных к тому времени польских комиссаров, что “миру война не помешка”, т. е., что его поход не нарушит неприкосновенности посольских чинов [7. Т. 3. С. 47].

Уже третий год под началом этого воеводы находились войска Новгородского разряда – одного из военно-административных округов Русского государства. Ведущая роль в нем принадлежала поместной коннице Новгородского, Псковского, Великолуцкого, Торопецкого, Новоторжского, Тверского и Старицкого уездов, составлявших до 3200 дворян и детей боярских. Их дополняли конные казаки этих земель – около 1000 человек.

Большая часть помещиков после Смутного времени не могла нести службу без поддержки государства. Новая долгая война, начавшаяся в 1654 г., нанесла очередной удар по их благосостоянию: крестьяне разбежались от налогов и повинностей или их забирали в солдаты, а у иных поместья были разорены “от немецких людей”. Многие новики, даже поверстанные земельным окладом, в реальности земли не получили. В результате, к концу 1650-х годов значительная часть служилых людей “по отечеству” являлась “беспоместными” и “пустопоместными” [8. С. 68, 69, 82, 102; 5. Ф. 137. Оп. 1. Новгород. Д. 64. Л.л. 2, 3 и сл.]. Для таких война становилась главным источником существования.

К 1659 г. ратные люди Новгородского разряда прошли долгий боевой путь. Поверстанные после Смоленской войны 1632–1634 гг. “новики” получили боевое крещение только при осаде восставшего Пскова в 1650 г., а большинство – в 1654–1656 гг. Особое внимание царя привлек их поход на Брест (осень 1655 г.), который первоначально был призван мирно “привести к кресту” шляхту юго-западных поветов ВКЛ. Сапега пообещал царскому посланнику Ф.М. Ртищеву переход своего войска под государеву руку, однако вскоре под давлением шляхты изменил решение и внезапно атаковал Новгородский полк боярина кн. С.А. Урусова во время переговоров под Брестом. Дважды сбитые с позиций, ратные люди чудом отбились и даже разгромили превосходящие силы противника в лесах у д. Верховичи – по сообщениям пленных, при начале боя над русским лагерем показался архангел Михаил, что вызвало особый интерес Алексея Михайловича [9. С. 129–130]. Их следующий поход (1656 г.) завершился взятием у шведов Юрьева Ливонского. Но всю былую славу полка в одно мгновение похоронил вопиющий случай под Валками (9 июня 1657 г.), где дворяне побежали с поля боя “дуростью своею, а не от побою”, и бросили в плену смертельно раненого воеводу М.В. Шереметева. Царь наложил опалу на ратных людей и начал следствие о “зачинщиках” бегства [10. С. 180].

Однако вскоре их новый воевода, стольник кн. И.А. Хованский, сумел переломить ход войны. Ему удалось разгромить главные силы противника в Прибалтике (16 сентября 1657 г. под Гдовом), затем разорить Эстляндию, осадить Нарву и сделать, таким образом, шведов более сговорчивыми на начавшихся “посольских съездах” [11. С. 39–53]. На радостях от побед царь поспешил простить новгородцев. Новую славу им принес молниеносный январский поход 1659 г. за Западную Двину, когда Хованский едва с 2 тыс. всадников буквально разогнал под Мядзелями второе превосходящие силы литовцев и белорусской шляхты (29 января 1659 г.) [12. С. 272; 5. Ф. 210. Оп. 12. Д. 488]. После роспуска ратных людей по домам князь был пожалован в бояре и получил титул “наместника Вятского”.

Бои со шведами выявили низкую эффективность старой тактики конницы, и в ходе разборов весны 1659 г. большая часть дворян и казаков – те, кто нуждался в материальной поддержке – была записана в рейтары. Они образовали три полка (2800 человек) во главе с полковниками-иноземцами и опытными офицерами из дворян, которые обучили рейтар действиям в линейном строю и залповой стрельбе. Лучшие обеспеченные кавалеристы перед походом по-прежнему составили конницу “сотенной службы”. Элиту полка представляли “завоевочки” боярина – “для чести своей и оберегания царского знамени” – и “есаулы”-ординарцы, а также Выборная и Подъезжая (для разведки) сотни. Остальные были расписаны в девять городских дворянских и пять казачьих сотен.

Стрельцы четырех новгородских и псковских приказов, выступившие в поход 1659–1660 гг., были, благодаря своим сословным традициям, самыми надежными из пеших ратников. Однако на поле боя эффективнее их в последнее время оказывались части “солдатского” и “драгунского строя”. Те были очень разнообразны по составу и численности. Поселенными солдатами Заонежских погостов комплектовался полк А. Гамильтона, а лучшие из них, снабженные лошадьми, составляли драгунский полк А. Форота. Сомерская волость выставляла небольшой полк Е. Росформа. Наконец, из даточных “сбора 167 года” (1658–1659), с 10 крестьянских и бобыльских дворов по человеку (с территории Новгородского разряда), незадолго до того был сформирован полк И. Гулица [7. Т. 3. С. 118, 493, 494; 13. С. 382–391]. Все они получали “корм” по норме “старых солдат” – по восемь денег человеку на день [5. Ф. 137. Оп. 1. Новгород. Д. 60], однако степень разорения их семей и морального упадка была столь велика, что многие, взяв жалованье, бежали еще по дороге в полк [5. Ф. 210. Оп. 9. Д. 317. Л. 387, 388]: долгая война и здесь брала свое. Солдатские полки имели при себе обоз с шанцевым инструментом. “Наряд у разрядного шатра” (полевая артиллерия) и полковые пушки пехоты в общей сложности насчитывали 12 или 15 орудий. Начальными людьми у солдат и драгун в большинстве своем были служилые иноземцы [14. S. 222; 15. S. 212].

В августе 1659 г. части Новгородского разряда сосредоточились в Полоцке, прикрывая тылы войск Лобанова-Ростовского, которые осаждали И. Нечая в Старом Быхове [5. Ф. 210. Оп. 12. Д. 418. Л. 87, 88, 297]. Здесь под начало Хованского поступила многочисленная “присяжная шляхта” Полоцкого повета. Большая ее часть перешла на царскую службу добровольно уже в 1654 г., а иные, отступив с гетманом Радзивиллом на запад, вернулись домой зимой 1655–1656 г. Их полки приняли активное участие в Рижском походе 1656 г. и других боях со шведами [5. Ф. 210. Оп. 11. Д. 162. Л. 107–109, 156, 157; 7. Т. 2. С. 542]. Выступление Нечая разделило шляхту: так, при Лепеле в ноябре 1658 г. “полоцкая верная шляхта” полковников И. Кисаревского, Г. Гаславского и полоцкого бурмистра К. Наумова “побила” “изменников” – Полоцкого же воеводства полковников К. Лисовского, Ф. Слонского и Б. Пресецкого [5. Ф. 210. Оп. 11. Д. 209. Л. 511, 512]. Победы Хованского и Лобанова-Ростовского вскоре вернули большую ее часть в царское подданство.

В поход 1659–1660 гг. выступили следующие полки: И. И. Кисаревского – три хорунги, около 150 человек; Г. Гаславского – одна хорунга, 133 шляхтича и около 200 челядников; Ф. Слонского – четыре или пять рот шляхты, около 200 шляхтичей и более 300 челяди; одна драгунская рота, 83 человека. Итого – до 1100 человек [5. Ф. 137. Оп. 1. Новгород. Д. 64. Л. 215–263; Ф. 210. Оп. 11. Д. 162. Л. 107–109]. Правда, часть из них догнала войска Хованского только зимой.

Все войско делилось между самим боярином и его товарищем – стольником кн. С. Л. Шербатовым, образуя два “воеводских полка”. Общая его численность достигала 9 тыс. человек, в том числе: около 1300 в сотнях, 2800 рейтар, более 1000 полоцкой шляхты, до 1500 стрельцов (часть осталась в Пскове и Новгороде), более 100 начальных людей пехоты и 2338 солдат и драгун [5. Ф. 210. Оп. 9. Д. 317. Л. 388].

Момент для похода командование выбрало самый удачный. Литовские войска, летом стоявшие в западных областях Белоруссии в ожидании удара русских, осенью

были извещены о новом “съезде послов” и втянулись в борьбу за оставшиеся у шведов крепости в Курляндии [16. S. 23; 5. Ф. 210. Оп. 12. Д. 432. Л. 6]. Хованский же фактически выступал как союзник Швеции – это подкреплялось распоряжениями о дружественном отношении к шведам, освобожденным из польского плена [5. Ф. 27. Оп. 1. Д. 176. Л. 90].

Войска выступили в поход до 19 октября 1659 г., когда состоялся обычный для его начала смотр, и 9 ноября достигли Вильно [5. Ф. 210. Оп. 12. Д. 432. Л. 69; 15. S. 212]. При отсутствии воеводского наказа можно только предположить, что основной их целью был возврат поветов Юго-Запада ВКЛ. Здесь осенью 1655 г. шляхта была “приведена к кресту” во время похода Новгородского полка [17], но с захватом литовцами в конце 1658–1659 гг. Гродно, Новогрудка и Минска фактически “отложилась” от царской власти. Виленская шляхта прямо отказала воеводе кн. Д.Е. Мыщецкому воевать против “своей братьи” литовского войска и поставлять запасы в Вильну или в полки Хованского [5. Ф. 210. Оп. 12. Д. 418. Л. 533].

Из Вильны боярин стремительно, по своему обычаю, бросил полки в направлении г. Лиды. Западнее города, на переправе через р. Дитву у с. Мыто, укрепился в острожке во главе местной шляхты полковник Я. Кунцевич. Однако, Хованский “посмеялся над ними”: разузнав о бродах, он в ночь на 17 ноября 1659 г. переправился через реку в другом месте и вышел на литовцев с тыла. Шляхта, узнав об этом, “больше не сопротивлялась”; земляной городок был взят, и лишь две хорунги (надворная гайдуцкая Сапеги и драгунская), потеряв 22 человека только пленными, смогли прорваться за Неман [12. S. 272; 5. Ф. 210. Оп. 5. Д. 87. Л. 10 об.; Оп. 17. Д. 73. Л. 120]. Датированный тем же числом универсал П. Сапеги к шляхте лишь предостерегал о возможности похода Хованского – столь неожиданно и стремительно он начался [18. С. 137, 138]. Внезапность нападения не позволила и вовремя усилить гарнизон Гродно, комендант которого, капитан М. Гутовский, капитулировал почти без сопротивления 8 декабря [12. S. 273; 18. С. 523].

Следующей целью Хованского стало лежачее на юге Подляшье. Здесь, в глубоком тылу действовавшей в Курляндии армии, собралось на зимних квартирах – “лежах” – шляхетское “товарищество”, до 800 человек, сюда же от ужасов войны скрылись многие знатные семьи из-под Гродно. Оставив в городской крепости воеводу Т.О. Челищева с сотней стрелцов и ротой солдат [5. Ф. 210. Оп. 12. Д. 418. Л. 578, 688], Хованский выступил все так же стремительно и скрытно – в канун католического Рождества. Для ускорения марша с дворян были взяты их запасные лошади “под стрелцов и под салдат вместо подвод” [5. Ф. 210. Оп. 11. Д. 125. Л. 85]. В ночь на воскресенье (18 декабря) боярин, “выйдя из Одельска, на рассвете ударил на Крынки”, где разгромил полк кн. Я. Огинского: были взяты в плен 26 шляхтичей из панцирной хорунги П. Сапеги и по несколько “языков” из трех татарских и драгунской хорунг этого полка [5. Ф. 210. Оп. 17. Л. 122–125]. “На плечах” бегущих дворяне и казаки ворвались в Заблудов, куда съехалась на мессу окрестная шляхта, и захватили множество знатных пленных и богатую добычу [12. S. 273; 14. S. 221; 15. S. 217]. Еще не успели главные силы войти в город, а во все стороны от него устремились “загонные” отряды, достигавшие даже границ Пруссии. Плена едва избежали гетман П. Сапега, его брат Кшиштоф (крайчий Литовский) и З. Слушка – хорунжий Литовский; в огромной опасности находилась войсковая казна, добиравшаяся до Варшавы через Брест, Люблин и Замостье несколько месяцев [18. С. 534]. Шляхта, не думая о “посполитом рушении”, спасалась с семьями и имуществом в последние надежные крепости – Слуцк, Ляховичи и Несвиж.

Новгородцы снова двигались по землям, из которых им едва удалось вернуться осенью 1655 г. Тогда им “за смертной казнью” запрещалось грабить и “собирать корм”, чтобы это не помешало склонить местную шляхту к присяге царю [19. С. 63–65]. Характер нынешнего похода был уже карательным – огнем и мечом “воевать” поветы, изменившие своему крестному целованию. По сведениям Б. Радзивилла, “хлопам Москва полностью дает волю, только велит, чтобы наводили их ”на боя-

ры”, но шляхту вяжет и дворы палит” [14. S. 221]. Пощады не давали никому: так, московские “чаты” в дороге изрубили послов Волковысского повета, отправленных к Хованскому с изъявлением покорности [12. S. 277]. От русских не отставали и белорусские шляхтичи: 10 января 1660 г. ксендз Томаш Гирский, тайно посланный виленским воеводой в Варшаву на разведку, был ограблен, избит и прислан в оковах в Вильню полковником Кисаревским, “которой идет ис Полоцка к ... Хованскому с ротами своими” [5. Ф. 210. Оп. 12. Д. 418. Л. 604, 605]. Русская конница двигалась на юг широчайшим фронтом: так, почти одновременно разорению подверглись г. Янув за Бугом и г. Шерешево, 80-ю верстами северо-восточнее [15. S. 219; 20. С. 89]. Неудивительно, что очень скоро молва раздула силы Хованского с реальных 10 тыс. до фантастических 30–40 тыс. человек [15. S. 213; 12. S. 286].

Опустошив г. Каменец, русские полки в ночь на 29 декабря подошли по льду Западного Буга и “изгоном” взяли “большой город” Бреста [5. Ф. 210. Оп. 5. Д. 87. Л. 2; 12. S. 273; 21. С. 53]. Правда, в хорошо снабженном и укрепленном замке заперлись четыре роты пехоты во главе с “немчином италианской земли Ергиком Кондаратом”, которые отбили первые приступы [15. S. 220]. Хованский отступил за город, “отаборившись возами”, и отправил погоню за уходящими литовскими обозами. Обрадованные отходом неприятеля, “брестские сидельцы” стали праздновать: пехоте было выдано вино из гетманских запасов, а шляхта устроила бал и пир. В ночь на 3 января 1660 г. один из заключенных в замке русских пленных¹ сумел выбраться за стены и предупредить Хованского, “что все пьяны” [12. S. 273]. Тот немедленно, “имея с собой лестницу”, доскакал до Бреста, начал приступ и на сей раз взял город. Его “выжгли и высекли”, не пощадив и многих мирных жителей: “женщин и мужчин, шляхту и не шляхту, взрослых и малых, даже грудных детей в том местечке и замке немилосердно поубивали”. Тела убитых (от 1700 до 1900 человек) были брошены без погребения в ров крепости [22. S. 144, 145; 12. S. 273, 274; 23. S. 288]. Команданта, ротмистров и ряд других пленников (всего 50 человек) Хованский отправил в Москву [5. Ф. 210. Оп. 17. Д. 73. Л. 125–130]. Русские потери были невелики: М. Обухович справедливо записал, что Брест достался им малой кровью [24. S. 67] (ср.: [5. Ф. 210. Оп. 5. Д. 87. Л. 2 об.]). Узнав о победе, Алексей Михайлович велел боярину построить и освятить в Бресте церковь во имя архистратига Михаила [5. Ф. 27. Оп. 1. Д. 166. Л. 5], вероятно, в память о событии 1655 г.

Строго говоря, описанное выше обращение с захваченным городом и вражескими землями не было в то время чем-то необычным: с еще большей жестокостью действовали “лисовчики” и черкасы в Смутное время и литовские “волонтеры” под Новгородом и Псковом в 1661–1666 гг. [5. Ф. 210. Оп. 11. Д. 188. Л. 94, 95, 212–218; 25. С. 114, 134; 26. С. 206, 208]. Однако, в свете известных ограничений и запретов “воевать” ряд областей ВКЛ в походах 1654–1655 гг., действия ратных людей Хованского приобрели характер кары за измену царю. Подобно тому как внутри страны любое неосторожное слово вызывало жесточайшее следствие по “слову и делу государеву” (подробнее см.: [27]), так и на войне отказ сдаться “на государево имя” или измена царскому “крестному целованию” влекли за собой не только беспощадное “выжигание и высечение” города и области, но и соответствующее отношение к телам убитых, известное в этнографии как похороны “заложных покойников” [28. С. 40, 41, 91 и след.; 29. С. 17–34; 30].

Падение Бреста ставило под угрозу саму Варшаву, до которой оставалось всего 100 верст. “Воюя коронную землю”, русская конница доходила до Люблина и Холма на юге, до Лукова, “который грамоту от Хованского взял”, на западе; разъезды ее появились в 20 верстах от польской столицы: так, “в загоне под Аршавою” понесла потери сотня сомерских и копорских казаков [23. S. 288; 5. Ф. 210. Оп. 5. Д. 27.

¹ Жалование за полное терпение получили в марте 1660 г. 26 “брестских сидельцев” (5. Ф. 396. Оп. 2. Д. 313. Л. 43, 44 об.)

Л. 536; Д. 87. Л. 2 об.]. Здесь, однако, обстановка осложнилась тем, что зимние квартиры в Подлясье и Мазовии поляки предусмотрительно предоставили австрийским войскам генерала Гейстера, своим союзникам в войне со Швецией. Хованский решил оказать моральное давление на Гейстера, продемонстрировав его представителю, капитану Розенштейну, участь защитников Бреста. Согласно рапорту капитана, боярин «поведал мне, что имеет 100 000 войска, поэтому Польша тут как передовую стену (Vormauer) против московитов и поставила, а при этом цесарь с царем в мире. Он дал мне совет, чтобы мы перешли на другую сторону Вислы, а он эту сторону займет» (цит. по: [22. S. 144, 145, XLVII–XLVIII]). Правда, вскоре изменение обстановки сняло вопрос об отношениях с «цесарцами».

В начале января 1660 г. на борьбу с Хованским начали выдвигаться новые части. Лояльная королю «дивизия» С. Чарнецкого, только что вернувшаяся из похода в Данию, срочно выступила к Варшаве и сняла угрозу столице [31. S. 413–417]. Литовская «дивизия правого крыла» под командой польного писаря Литовского Е.Х. Полубенского 12 (22) января двинулась из Митавы к Бресту [32. S. 243], а на следующий день из Ковеля выступил полк М. Обуховича (восемь «казацких» и пять драгунских хорунг), оказавшись в авангарде этой дивизии. 15 января под Малчасом (северо-восточнее Бреста) молодой полковник завязал бой с отрядом стольника кн. Петра Хованского, старшего сына воеводы (несколько «сотен» и полк рейтар М. Реца). Показателен ход столкновения. Сначала четыре литовские хорунги опрокинули часть рейтар и стали наводить остальную конницу на оставленных позади драгун. Но в этот момент под Обуховичем убили коня и взяли его в плен; литовские драгуны бросили свои позиции без единого выстрела, после чего без боя побежала и остальная конница [24. S. 65, 66; 23. S. 288]. Кроме полковника, в плен попали 18 «товарищей» и драгуны [5. Ф. 210. Оп. 17. Д. 73. Л. 131–134]. Потери русских были ничтожны: если верить рассказу самого Обуховича Б.К. Маскевичу, он оказался чуть ли не единственным их виновником [5. Ф. 210. Оп. 5. Д. 87. Л. 11 об.–13 об.] (ср.: [12. S. 283]).

Тогда же стряпчий Л. Грамотин привез Хованскому указы о переписке с польскими комиссарами о переговорах и о «промысле» над Полубенским в Курляндии: на переписку с Москвой через Вильно и Полоцк уходило два месяца, и там еще не знали о взятии Бреста. К тому времени части Полубенского и жмудского «посполитого рушения» уже «позалегли» все дороги между Вильно, Ковно и Гродно, нападая на идущих из полков Хованского «всяких чинов людей в московские города с погромною рухледью и с полоном»; вскоре в плен угодил и сам Л. Грамотин, отправленный обратно в Москву через Вильну с «сеунчиком»² кн. С. Мышецким [5. Ф. 210. Оп. 5. Д. 87. Л. 3, 14; Оп. 12. Д. 418. Л. 535–536, 577]. Хованский выступил 24 января навстречу литовцам «путем Урусова, который после виигранной Верховицкой [битвы] завоевал поветы Слонимский, Волковысский и воеводство Новоградское, где никто не оборонялся» [24. S. 67]. Однако Полубенский не принял боя и отошел, отправив к Хованскому шляхтича Гедройца с предложениями перемирия и обмена Грамотина и других плененных на своих мать и племянницу, Обуховича и гусара Быковского, предыдущего посла к боярину [33. S. 131].

В это время Хованский в Новоградке принимал изъявления покорности от шляхты окружающих поветов, организовывал ее присягу царю и сажал воевод из дворян своего полка. Прежде отменявший все предложения о перемирии («Трактаты трактатами, а война войною»), боярин неожиданно согласился устроить размен и уйти в Гродно и Псков [7. Т. 3. С. 47]. После беспримерного рейда новгородцы были до-

² Гонец, который вез царю «сеунч» – весть о победе. Как правило, это был один из младших командиров, отличившихся в бою, и в виде награды получавший в Москве особое жалование.

нельзя обременены добычей и полоном, а Хованский мог посчитать свою задачу выполненной. По воспоминаниям Маскевича, боярин торжественно объявил шляхте о прощении измены и уходе своего войска, чтобы не обременять их, и повелел при появлении королевских войск уходить в леса и дать весть ему в Псков – не то “в другой раз не будет над вами милосердия”. Вскоре он “отправил с казной на Русь возов, как утверждали, 15000”, но внезапно отменил свое решение об отходе: Полубенский прислал новое письмо, в котором вызывал его на бой [12. S. 274–286]. Письмо могло быть вызвано тем, что “по посылке” боярина провожатые литовцы с Грамотиным и другими обманом были перебиты без всякого размена [7. Т. 3. С. 48], – если только последнее не произошло позже.

Как бы то ни было, в ночь на 16 февраля Хованский с конницей и виленским полком солдат В. Кунигама внезапно ринулся на запад, “а поскольку привык поспешать, то и тогда также поступил, ибо за одну ночь в Деречине стал, деревне пана писаря польного, всюду паля и хлопов грабя” [12. S. 286]. Однако, даже такой 70-верстный бросок не помог боярину, так как Полубенский успел уйти за Буг, который после этого вскрылся ото льда. Передовые сотни успели только потрепать полк Вяжевича в Деречине и отбить часть литовского обоза в Милечицах (на р. Буг) 16 и 17 февраля [5. Ф. 210. Оп. 5. Д. 87. Л. 3, 3 об., 14]. Поход сорвал соединение Полубенского и Чарнецкого, чья дивизия переправилась было через Буг юго-восточнее Бреста, но была вынуждена спешно отступить к Лукову [31. S. 417, 418].

Получив сведения о наметившемся соединении поляков и литовцев уже за Бугом, а также о бунте в литовском войске из-за невыплаты жалования [7. Т. 3. С. 56–58, 85], Хованский убедился, что путь к Варшаве закрыт, но и завоеванным поветам мало что угрожает. Русские “обвоевали” окрестности Бреста, снабдив гарнизон (1 тыс. человек) запасами “на 2 года”, и построили в замке новую стену [7. Т. 3. С. 125]. Возможно, воевода все же договорился о перемирии на три месяца через того же Гедройца, вернувшегося 25 февраля к Полубенскому, и выступил со своими полками 1 марта из Бреста на восток [15. S. 228, 231; 31. S. 418].

Теперь его путь лежал на Ляховичи, одну из трех последних не занятых русскими “фортеций” Белоруссии. Вместе со Слуцком и Несвижем они оставались серьезным очагом сопротивления, куда недавно отступили выбитые из Турово-Пинской земли отряды Д. Мурашки и С. Оскерки (белорусские казаки-изменники и шляхта) [20. С. 90]. За надежными стенами маетностей П. Сапеги (Ляховичи и Несвиж) и Б. Радзивилла (Слуцк), укрепленных по лучшим образцам западноевропейской фортификации [34. С. 83–90, 107, 108], скрывалось множество знатной и богатой шляхты.

По пути, в местечке Журовичи, Хованского встретил стольник К. Щербатов с похвалой от Алексея Михайловича самому воеводе и всем его ратным людям, будто за их “храбростью великое княжество Литовское все хочет учиниться под ... самодержавною рукою в вечном подданстве”. Правда, конкретные указания безнадежно устарели: предписывалось “зимним временем до весны ... посылать войной” к Варшаве и другим городам, “и Аршава разорить, и пушки московские, которые есть в Аршаве, привезти к себе”. В ответ Хованский пообещал послать на Варшаву после распутицы, объяснил настоящий поход заботой о безопасности тыла и попросил подмоги. Он скромно оценивал возможности своего войска, считая необходимым поход главных сил с самим царем: “Ныне время тебе промысл чинить над неприятелем, в кою пору не в большом собранье, и Богом [г]оним по твоей праведной молитве, трепетен неприятель от твоего храброго меча” [7. Т. 3. С. 56–58].

В середине марта 1660 г., одним своим появлением прогнав казаков Мурашки к Слуцку [7. Т. 3. С. 58], победоносный легион Третьего Рима подступил к Ляховичам. “Москали шли как на мед или забаву какую, смело, имея оружие надежное, а бердыши – ясно полированные, острые и веревки с петлями конопляные у пояса, для вязания наших” (цит. по: [35. S. 360]). На предложение о сдаче гарнизон крепости ответил отказом, и было решено идти на приступ. В ночь на 26 марта пехота, казаки и полоцкие шляхтичи незаметно подошли к стенам и взобрались на них, водрузив да-

же знамена. Но неизбежный в ночном бою “ясачный крик” (пароль) “Царев город!” заставил многочисленных защитников Ляховичей (2500 человек) броситься на стены, откуда они сбили еще немногих забравшихся и стрельбой и камнями стали поражать штурмующих [12. С. 297]. С тяжелыми потерями – 10 старших офицеров и две сотни ратников – русским пришлось отступить. Царь, при известии о неудаче, запретил новые штурмы и сделал воеводе выговор [7. Т. 3. С. 64, 65]. Однако осада была серьезно осложнена нехваткой “стенобитного наряда” (осадной артиллерии) и пехоты. Орудия крепости доставали до “таборов” – русского лагеря, а извне на него нападали конница из-под Слуцка и Несвижа. Осаждающие смогли отвести воду, осушив ров, подожгли деревянные строения в замке [20. С. 92], но, кроме как на новый штурм, надеяться было не на что.

По уверению Маскевича, Хованский привлек даже колдуна-мельника, вызвавшегося помочь москалям “достать Ляховичи”. Он пообещал “заговорить” все огнестрельное оружие замка и сделать “лестницу на срубях”, способную подняться на стены сразу 2 тыс. человек [12. С. 298, 300]. Возможно, о чем-то подобном узнал С. Чарнецкий, сказавший накануне приступа (по Пасеку): “Я имею сведения, что ... на штурм Ляховичей готовились и только [ждут, как] им лестницы и другие принадлежности привезут, так как потеряли все при первых штурмах” [36. С. 90].

Тем более, что военная ситуация в Восточной Европе в это время стала серьезно меняться. Вскоре после неудач в Дании шведский король Карл X Густав скончался, и истощенная Швеция пошла на заключение мира с Речью Посполитой и ее союзниками (3 марта (н. ст.) 1660 г.). В итоге, уже весной шведы, стараясь повлиять на ход переговоров с Россией, стали шантажировать ее походом по Западной Двине – и слухи об этой угрозе достигли Новгородского полка уже в апреле [5. Ф. 27. Оп. 1. Д. 166. Л. 72]. Но гораздо опаснее стало полное освобождение для войны на востоке всей польской армии: более 50 тыс. только “компутовых” (состоящих на жаловании) воинов, закаленных в беспрестанных боях со шведами, казаками, венграми и татарами [37. С. 96–99]. Правда, обычные для Республики внутренние неурядицы отдаляли момент выступления: коронные и литовские сенаторы спорили о направлении главного удара – на Украину или Литву, а войска перманентно бунтовали из-за отсутствия жалованья. Так, “сапежинская дивизия” после вторичного бегства от Хованского составила конфедерацию во главе с С. Кмичичем³, отказавшись подчиняться Полубенскому – “что он из Курляндии их вывел и их с голоду поморил, а в Курляндии де им было кормно”. Кмичич предъявил королю претензии о жаловании и даже грозился в связи с этим перейти с войском на службу к московскому царю [16. С. 26; 7. Т. 3. С. 85]. Дивизия “левого крыла” (“жмудская”) во главе с М. Пацем не спешила под команду П. Сапеги из-за недоверия к гетману и стремления “региментаря” укрепить личное положение в Курляндии [35. С. 360; 20. С. 89]. Росло дезертирство, а в коронных землях распространялись панические слухи о походе Хованского на Варшаву и Пруссию и даже пленении С. Чарнецкого [31. С. 420].

Тем временем Хованский попытался наладить отношения со шляхтой завоеванных земель. Присягнувшие царю шляхтичи получали охранную грамоту и “залог” – солдата или стрельца – для охраны своего имения [12. С. 286–288]. Зная о конфедерации литовского войска, боярин согласился с предложением кн. Ф. Горского, воеводича мстиславского, начать вербовку в отряд последнего хорунги шляхетские и 500 драгун – в надежде переманить туда литовцев щедрым царским жалованием [7. Т. 3. С. 58]. По словам Б. Маскевича, оказавшегося среди новых “присяжных”, Хованский не слушал наветов об их изменных замыслах – в чем, кстати, больше всего старалась “шляхта русская” во главе с полковником Слонским (т.е., полоцкая). Однако, возможно самым недобрым чем-либо уйти в одну из королевских крепостей привела к новым изменам, после чего «крикнула вся Москва: “От, изменники все,

³ Фамилия воспроизводится по русским документам.

всех вырубить надо»», – и, по словам Маскевича, “приказано уже все дворы, кроме самого Новогрудка, грабить и жечь. И так было” [12. С. 289, 301]. В апреле отряд из-под Ляховичей в “несколько десятков коней” пробрался даже к с. Выгонощи под Пинском, разведав туда переправы через болота [18. С. 145, 146].

Попытки активизировать военные действия литовцев получили действительную поддержку местной шляхты. Так, в ночь на 19 апреля полк Сесицкого при помощи шляхты и мещан ворвался в “большой город” в Вильно – правда, был довольно легко отброшен гарнизоном [7. Т. 3. С. 80–82]. Волонтеры “черкасы” Русецкого тогда же осадили брестский замок, но понесли большие потери при попытке подкопа [7. Т. 3. С. 84–85; 15. С. 238, 239]. Дивизия Чарнецкого продвинулась за Буг, и ее “подъезд” 30 апреля без особого труда разбил во Мстибове отряд литовской шляхты, набранный кн. Ф. Горским – несомненно, из-за его низкого морального состояния [31. С. 420; 15. С. 242; 5. Ф. 210. Оп. 5. Д. 87. Л. 5].

Конечно, все это не могло не волновать Хованского, что выражалось не только в отправке карательных отрядов. В своих отписках он постоянно подчеркивал опасность, передавал сведения о мире со Швецией, подготовке похода на его полк и ложности намерений польских комиссаров на переговорах: им-де “только б промысл учинить и города свои отобрать” [7. Т. 3. С. 81]. Поэтому боярин и спешил покончить с Ляховичами. Вскоре к нему прибыли три приказа московских стрельцов (повидимому, 1500–2000 человек), что являлось большой честью для воеводы. Через несколько дней, 15 мая, был предпринят новый приступ.

Какое ему придавалось значение, видно из того, что теперь в штурме приняли участие даже дворяне отборных сотен. Полк В. Кунингама перед отправкой обратно в Вильно также был брошен в бой вместе с присланными ему на смену московскими стрельцами, которых, кстати, использовать так царь строго запретил. Несмотря на все это, приступ был отбит с тяжелейшими потерями: если после первого штурма в Москву за жалованьем за раны отправился 31 человек, то сейчас – 54 [5. Ф. 210. Оп. 5. Д. 87. Л. 16 об. – 37 об.], т.е. всего были убиты и ранены несколько сот человек.

Между тем, к весне 1660 г. значение полка Хованского сильно возросло. Теперь ему отводилась роль главного войска на западном направлении, для комплектования которого ресурсов одного Новгородского разряда было явно недостаточно. Уже при известии о взятии Бреста Хованскому направили московских стрельцов. В ответ на просьбу о подкреплении (от 17 марта) из гарнизонов Смоленска, Витебска, Могилева и Старого Быхова был сформирован отряд умелого, но незнатного воеводы С.А. Змеева в составе “шквандроны” (половина полка) смоленских рейтар, витебской, могилевской и кричевской шляхты, полочинских “грунтовых” и донских казаков, а также опытных, созданных еще в 1653 г., полка солдат Я. Треля и “шквандроны” (шесть рот) из “генеральского полка” А.И. Лесли во главе с его сыном Робертом [7. Т. 3. С. 68, 69, 128] – в общей сложности 2400 человек, имевших наградные золотые за взятие Старого Быхова 6 декабря 1659 г. [5. Ф. 210. Оп. 6. Д. 35]. Змеев прибыл к Ляховичам 27 мая, успешно отбив под Слуцком нападение отрядов С. Оскерки “со товарищи” и захватив в плен более 30 гусар. Уже через день он приступил к осаде соседнего Несвижа [7. Т. 3. С. 69, 95].

Еще один воеводский полк стал создаваться 23 мая, когда государеву грамоту о назначении в “сходные воеводы” к И.А. Хованскому, а также наказ и списки ратных людей получил брат боярина – князь Семен Хованский. На усиление его отряда по указу от 8 июня направлялось два полка солдат (2000 человек) Днепром из Киева, а в Борисове дожидались приказ московских стрельцов и “добрые и полные” дворяне московских чинов (250 человек и даточные) из охраны послов [7. Т. 3. С. 82, 100; 5. Ф. 233. Оп. 1. Д. 102. Л. 20–22]. Наконец, тогда же “в сход” к Хованскому были направлены Нежинский и Черниговский полки украинских казаков В. Золотаренко [5. Ф. 27. Оп. 1. Л. 59]. В целом к концу июня войско боярина должно было увеличиться до 30–40 тыс. человек.

Для его обеспечения была заранее организована поставка продовольствия (хлеб и крупа) и боеприпасов. Воеводы Полоцка и Борисова отправили первые значительные обозы 17 и 26 мая соответственно [7. Т. 3. С. 67, 78]. А 23 июня достигла Смоленска посланная из Москвы для осады Ляховичей “верховая пушка” (мортира) с гранатами [7. Т. 3. С. 103, 104].

Замысел командования раскрывается в статьях и “Тайном наказе”, данных стольнику В. Кикину 22 июня 1660 г. Здесь уже подразумевалось прекращение переговоров в Борисове и после провожания польских послов восвояси указывалось “итить в войну на их польские обозы ... и до Аршавы”. Базами назначались Брест и Гродно, сроки похода – с июля по 8 сентября: в знак особой милости конникам Новгородского разряда было обещано отпустить их домой “летним путем по траве”. Особые статьи предназначались дворянам и детям боярским, в том числе обещался сыск беглых крестьян, невзимание новых даточных, защита их семей от притеснений; развеивались слухи о новом походе шведов; при нахождении в Польше указывалось “женска полу, також и младенцов и мужиков, которые битца не учнут ... раздавать в полон ратным людям и гнать их в Московское государство со всеми их животы, и скотом, и хлебом, чтоб им в дороге не помереть голодом”.

В отношении конкретного плана действий И.А. Хованскому давалась полная свобода действий (“смотря по тамошнему делу”) и большая власть, в том числе распоряжаться “маетностями изменников”. По осени, после отхода, намечалось оставить гарнизоны лишь в Бресте и Гродно [5. Ф. 27. Оп. 1. Л. 58–76]. Целью этого похода было буквально поставить Речь Посполитую на колени и продиктовать ей унижительный мир: условия мирного договора в “Тайном наказе”, который Хованский должен был “вскрыть, когда польские и литовские люди учнут говорить о мире”, можно было обсуждать только при таком развитии событий [5. Ф. 27. Оп. 1. Л. 245–267].

Между тем, план кампании разрабатывался и противной стороной. На прошедшем 24–30 мая (н. ст.) в Варшаве военном совете так и не удалось согласовать направление главного удара, но поход на выручку Ляховичей твердо решено было начать уже 12 июня (н. ст.) соединением войск П. Сапеги и С. Чарнецкого [31. S. 420–422]. Решения польских военачальников говорят о том, что они спешили сразиться, пока к Хованскому не подошли новые подкрепления. Кстати, сенатор Я.А. Храповицкий в начале их похода писал, что боярин примет бой, потому что ему необходимо оправдаться за неудачи под Ляховичами [15. S. 549].

Костяк войска Чарнецкого составляли хорунги “коронного” Королевского полка, находившиеся под личной опекой и в распоряжении короля и прошедшие трудный боевой путь в беспрестанных войнах. Перед походом в Данию, в 1658 г., под начало “воеводы русского” была поставлена уже целая “дивизия” из нескольких полков – 5 тыс. человек отборной конницы и драгун, а сам Чарнецкий был сделан “как бы третьим гетманом” – с титулом “генерала войск Его Королевского Величества” [38. S. 61, 62; 39. S. 118]. Этот “гетман” был лоялен королю, что отражалось и на обеспеченности дивизии. В ней поддерживалась строжайшая дисциплина, и даже внешним видом – более европейской (после Дании) одеждой – она выделялась из массы польских войск. Но, конечно, главным являлось тактическое мастерство, основанное на традициях “лисовчиков” и за пять лет войны достигшее совершенства. Обманные отступления, засады, глубокие обходные маневры – все это успешно осуществлялось Чарнецким в десятках боев против шведской армии, хорошо обученной по канонам линейной тактики и превосходившей поляков в слаженности движений и силе огня [39. S. 338–345]. Летом 1660 г. дивизия включала в себя более 4000 человек, в том числе гусар Короля и Чарнецкого (350 человек) и пять отрядов драгун (1300 человек) [40. S. 127].

Литовские войска, напротив, не обладали столь же высокими боевыми и моральными качествами: они не раз бежали при одном появлении Хованского, а местное население говорило, что “пана Чарнецкого жолнеры – ангелы, а литва – дьяволы”.

Хотя в мае конфедерация С. Кмичича прекратила свое существование, уже сам гетман П. Сапега не спешил выступать и в итоге опоздал на десять дней. По словам Пасека, Чарнецкий в сердцах пообещал гетману выступить для спасения Литвы один, не дожидаясь его, что и заставило литовцев, наконец, двинуться [36. S. 64, 104]. Численность своего войска гетман оценивал в 8 тыс. человек, в составе которых находились гусары короля и Сапеги и до 3 тыс. драгунской пехоты. В общей сложности силы противников Хованского оцениваются в 6–8 тыс. конницы, 3–4 тыс. драгун, семь или девять орудий [31. S. 423; Ср.: 7. Т. 3. С. 123, 124, 166, 187, 188].

Какими силами располагал московский воевода? Обеспокоенный волнениями в Литве, он в течение мая – июня посылал карательные отряды в присягнувшие поветы. Так, накануне битвы при Полонке до 400 рейтар разных полков отправились под Вильну, где полковник Сесицкий вновь “перенял” дороги. Сразившись с литовцами 10 июня, они повернули в Глубокое для сопровождения обоза из Полоцка под Ляховичи [12. S. 301; 7. Т. 3. С. 67, 139]. Другой отряд, возможно, сотня новгородских казаков, еще 16 июня сопровождал обратно через Минский повет стольника И. Кондырева [18. С. 152, 153; 7. Т. 3. С. 118].

Отправка в тыл добычи и полона также отвлекала значительные силы. Так, в феврале с полковником Обуховичем в обход Вильны через Глубокое было отправлено 90 рейтар, а всего только в полк М. Реца к 18 июня еще не вернулось из провожавших “вязней” 160 человек [7. Т. 3. С. 118; 24. S. 68]. Дисциплина ослабла, и многие шляхтичи, а также рейтары самовольно уезжали из полка [5. Ф. 137. Оп. 1. Новгород. Д. 64. Л. 245 об.–258 об.; Ф. 210. Оп. 9. Д. 317. Л. 280]. В итоге, из начавшей поход конницы у Хованского оставалось всего 700 дворян и 350 казаков в сотнях, 1600 – в трех неполных полках рейтар и до 1100 человек полоцкий шляхты (подсчитано по: [7. Т. 3. С. 117–119; 5. Ф. 137. Оп. 1. Новгород. Д. 64. Л. 215–263 об.]).

Еще более плачевной ситуация выглядела в пехоте, которая за время похода сократилась вдвое. Правда, среди ее начального состава потери, несмотря на ряд неудач, были невелики. К середине июня в драгунском полку оставалось 29 начальных людей и 219 рядовых, в трех солдатских – соответственно 75 и 1143. Все четыре приказа городских стрельцов после потерь и командировок в различные гарнизоны составляли, по нашим расчетам, не более 600 человек [7. Т. 3. С. 117–119]. В целом, с учетом московских стрельцов и полка С.А. Змеева, под Ляховичами и Несвижем Хованский имел не более 4.8 тыс. конницы и 5.4 тыс. пехоты.

Итак, по численности и качеству русские явно уступали в главном, в то время господствовавшем на полях Восточной Европы роде войск – коннице. То, что отличало рейтар западных армий – твердая дисциплина и слаженность действий, еще не вполне было усвоено новгородцами, ведь приемы западной муштры не всегда годились для покрытых шрамами гордых детей боярских и казаков. Хорошо обученная и опытная пехота могла компенсировать указанный недостаток, но лишь при достаточно грамотном тактическом руководстве. Между тем, в 1654 – 1660 гг. боевые действия чаще всего носили характер так называемой малой войны – отдельных мелких стычек. Так, кн. И. А. Хованский уже пятый год был полковым воеводой, но участвовал лишь в двух крупных битвах: в ночном бою под Гдовом, где разбил шведов М. Делагарди (1657 г.), и при Мядзелах (1659 г.) против литовцев. Показав себя за это время мастером традиционного для Восточной Европы военного искусства – с его ночными атаками и маршами, глубокими обходами и обманными движениями, он с трудом адаптировался к новой, линейной тактике. При Гдове он доверил руководство боем эскадронам рейтар и солдат опытным офицерам и младшим воеводам, а при Мядзелах вообще оставил их в тылу [5. Ф. 210. Оп. 12. Д. 488. Л. 27]. Поход 1659–1660 (7168) г. стал первым, в котором уже новгородская конница начала осваивать “рейтарский строй”, и это не могло не осложнить для князя руководства ею в бою. Сравнение его действий при Полонке и под Гдовом [41. С. 340–343] показывает, что они оказались довольно шаблонными.

Битва при Полонке обеспечена обширным корпусом источников и исторических сочинений с польской стороны. Ее описание занимает видное место в мемуарах Б.К. Маскевича [12. С. 302, 303], М.Форбек–Леттова [23. С. 291], Лося [42. С. 50–55] и дневнике Я.А. Храповицкого [15. С. 249–251]; она является, пожалуй, наиболее ярким эпизодом знаменитых записок Я.Х. Пасека [36. С. 94–101]. Добротные очерки содержатся в работах А. Валевского [22. С. 155, 156] и Л. Кубалы [35. С. 363–366]; исчерпывающая характеристика польских источников – в книге А. Керстена [31. С. 423]; обстоятельный военно-исторический разбор, снабженный схемой, – в польской военной энциклопедии [43. С. 665–668]. Вместе с тем слабой стороной всех указанных очерков является опора исключительно на польские источники и полное отсутствие данных противной стороны. Показательно, что сведения единственного доселе известного русского описания битвы, из письма Алексея Михайловича к А. Матюшкину [44. С. 64–67]; (подробнее см.: [45]), обычно с ходу отвергаются ими как недостоверные. Ввиду этого, целесообразно привести здесь краткий очерк боя, снабженный новыми сведениями русских документов.

Соединение войск Сапеги и Чарнецкого произошло 13–14 (23–24) июня 1660 г. по дороге к Слониму. Литовские “подъезды” 15 июня атаковали русских в окрестностях города, взяв в плен голову дворянской сотни; на следующий день коронные хорунги Поляновского разбили в самом городе части отряда, возвращавшегося из-за Немана: погибли два ротмистра, ранен сотенный голова, в плен попали 18 человек [5. Ф. 210. Оп. 5. Д. 87. Л. 38–39 об.; 7. Т. 3. С. 117–119; 15. С. 249; 31. С. 423; 35. С. 362]. Застав врасплох русские отряды, полякам удалось достичь важного морального преимущества.

Однако Хованский не собирался уступать инициативу. Уже 16 июня С.А. Змеев, узнав о происходящем, “все возы отправил за Неман, а сам, запалив лагерь под Невшижем ... со всеми своими силами двинулся под Ляховичи на помощь Хованскому” и соединился с ним на следующий день [23. С. 290, 291]. Тем временем сам боярин послал на разведку к Слониму Подъезжую сотню Ульяна Нащокина, усиленную рейтарами, и стал готовиться к выступлению. Главе прибывшего в Борисов посольства ближайшему боярину кн. Н.И. Одоевскому он послал записку следующего содержания: “Князь Никита Иванович! Бога ради берегитесь: идут на вас люди из Жмуди, а на нас уже пришли Чарнецкий со товарищи; посольству у вас никак не статься, обманывают: не покручинься, что коротко написал; и много было писать, да некогда, пошел против неприятеля. Ивашка Хованской челом бьет. Бога ради, берегитесь!” (цит. по: [45. С. 15]).

Итак, несмотря на недостаток сил, и мысли об отступлении не возникло. Трагика этого как “беспутной дерзости” воеводы – фраза, брошенная в сердцах царем, – в свете приведенных выше фактов представляется неудовлетворительной [46]. И дело не только в том, что под Ляховичами были уже сосредоточены крупные запасы продовольствия для разворачивающейся крупной армии: буквально накануне битвы боярин получил на этот счет недвусмысленный приказ царя. Стольник И. Кондырев, выехавший в Литву 25 мая, в ответ на тревожные сообщения воеводы от конца апреля должен был “говорить боярину ... о промысле над польскими и литовскими людьми, чтоб им не дать собратца”. А при подходе неприятеля “будет Ляхович не на дороге, и отступить мочно, а будет отступить нельзя, что стоит на пути, и он бы разделся, и, оставя осаду, итить и за Божьею помощью над неприятелем одноконечно промышлять, чтоб неприятеля не дождатца також, что и под Конопотом: все извязли под городом” [5. Ф. 27. Оп. 1. Д. 166. Л. 88–95]. Так что Хованскому оставалось только рассчитывать на обычную внезапность и стремительность действий: неожиданно напасть на противника на марше и посеять панику. Низкий моральный дух литовцев увеличивал вероятность успеха.

Дождавшись Змеева, боярин в тот же день, 17 июня, выступил в поход. Для скорости движения по плохой дороге он, по своему обычаю, не взял обоз; а для поддержания осады оставил некомплектную новгородскую пехоту [5. Ф. 210. Оп. 5. Д. 87.

Л. 63, 64 об.; 15. S. 302; 23. S. 291]. Тем временем, отряд Нащокина по дороге к Слониму, возле местечка Полонка, столкнулся с авангардом литовцев под командой С. Кмичича (13 хорунг). Сперва русские, как “привыкшие побеждать”, одержали верх, но к вечеру, с подходом новых сил поляков, были опрокинуты и отступили к д. Мыши (30 км северо-западнее Ляховичей), куда к тому времени успели основные силы [35. S. 362; 36. S. 92, 93; 43. S. 665, 666]. Хованский, узнав о неудаче авангарда, не стал задерживаться на ночлег и тотчас поспешил к Полонке – на празднующего успех неприятеля. У него было около 4.5 тыс. конницы и до 4 тыс. пехоты.

Однако Сапега и Чарнецкий, принявшие поначалу отряд Нащокина за главные силы, уже поспешили соединить свои дивизии поздним вечером 17 июня. На восходе солнца (около 5 утра), соблюдая полную тишину, их войско построилось в боевой порядок в полумиле западнее Полонки. По обычаю, на правом крыле стали коронные, на левом – литовские части. Ксендзы и все воины пропели молитвы, и полки, видимо, в колоннах, двинулись на восток. За местечком дорога поднималась в гору, затем по длинной плотине шла через болотистую речку Полонку и снова поднималась на другой берег. По обе ее стороны лежала топкая местность, на юге находилась возвышенность с фольварком, на севере – редкий лесок.

В утреннем тумане при переходе плотины польский авангард внезапно столкнулся с полками белорусской шляхты Хованского. Вначале “присяжные” потеряли пленным полковника Ф. Слонского, но затем смогли одолеть поляков и овладеть переправой. Однако быстрая и грамотная реакция Чарнецкого, фактически взявшего на себя общее командование, исправила положение. Запалив дома Полонки и скрыв за дымом и пригорком подходившие главные силы, он приказал передовым частям притворно отступать. Вид спешно уходящих войск и повозок окончательно уверил Хованского в бегстве неприятеля, таком привычном за последние годы. Он спешно направил солдат Змеева закрепиться за плотиной, подходящие войска стал разворачивать по берегу, а сам с отборными частями встал на правом крыле. Было 8 часов 15 минут.

Змеев перешел речку и начал наступать дальше “с плотной стрельбой”. В этот момент Чарнецкий нанес контрудар: его драгуны с двумя пушками открыли огонь сбоку из засады, а затем коронные гусары атаковали “с палашами” (видимо, приберегал копы для последнего натиска). Это было столь неожиданно, что солдаты “не успели и отыкатца” [44. С. 64], т.е. соорудить заграждение из полулик, и были опрокинуты и отброшены за речку, а Змеев получил тяжелые раны.

Далее сражение развивалось столь же стремительно и драматично, как и завязалось. Уяснив расположение противника, Чарнецкий послал в обход с юга “коронный” полк опытного в этом деле Г. Войниловича, а Хованский решил сломить морально слабейшее литовское крыло севернее, где оно во главе с Сапегой и Полубенским с трудом преодолевало топь. Здесь, по словам Сапеги, “когда мы уже в огне стали, конница нас с тылу обошла, от этого испытали мы большие трудности... ибо нас уже было окружили” (цит по: [35. S. 365]); вожди литовской дивизии едва спаслись. Но развить успех Хованскому не удалось.

В это время конница Войниловича сумела охватить его левое крыло и выйти с тыла на дорогу к Ляховичам, а отборный драгунский полк Чарнецкого под убийственным огнем овладел плотиной и, при поддержке конницы, русскими пушками. Увидев знамена Войниловича в русском тылу, Чарнецкий послал “горячую просьбу” к Сапеге об общей атаке, а сам нанес решающий удар всеми гусарами. Ряд последовательных неудач и ужасающая атака “крылатых гусар” сломали моральный дух русской конницы. Большая ее часть обратилась в бегство, а многие “присяжные” шляхтичи со своей челядью стали добровольно переходить к неприятелю [7. Т. 3. С. 124]. Вся описанная выше схватка продолжалась всего около получаса.

Только лучшие дворяне – “дородные и знатные люди” – продолжали рубиться насмерть вокруг своих знамен, несмотря на всю безнадежность положения. Почти все сотенные головы, командиры двух полков и “шквандроны” и десятки офицеров

рейтар погибли или, израненные, попали в плен; 31 человек из знаменщиков и заводчиков сложили свои головы при защите государева знамени [7. Т. 3. С. 117–119; 5. Ф. 210. Оп. 5. Д. 87. Л. 40–63]. Повальное бегство не затронуло и русскую пехоту. Сохраняя порядок и отбиваясь залпами, она отступила “на полмили” к березовой роще на взгорке, где соорудила засеку и заняла оборону. Все атаки польской конницы оказались тщетны. Лишь после того, как подтянули артиллерию, и орудия дали два перекрестных залпа, пехота начала выходить из засеки с намерением капитулировать. Однако Чарнецкий приказал не давать пощады. Обреченные ратники жестоко отбивались бердышами, убив и покалечив много людей и коней, но были изрублены.

Здесь, однако, возникает ряд противоречий в польских и русских источниках. Во-первых, пехоты все-таки пленили немало: известно, что после боя пленных “солдат и стрельцов Сапега и полковники роздали по своим полкам” [7. Т. 3. С. 124], т.е. пополнили ими свои пехоту и челядь. Более того, 800 стрельцов и 400 солдат, т.е. треть пеших ратников, смогли отойти в целости к Полоцку. Смоленские рейтары в их рядах “бились, не щадя голов своих, и пехоту с собой отводили, и знамена с бою свезли, и пришли ... с бою в Полоцк разными дорогами” [7. Т. 3. С. 143, 144]. Наконец, сам Хованский, как следует из челобитной ратных людей (и вопреки утверждениям польских источников), сумел “отводом” отступить с поля боя к своему обозу под Ляховичи. Здесь он поспешно забрал новгородскую пехоту и продолжил отход к Полоцку. И вовремя: “и как мы... пошли из обозу..., и того ж часу литовские люди пришли прямо в обоз и в обозе... людишок наших достолных всех побили и животишка наши и лошади все поимали без остатку” [5. Ф. 210. Оп. 11. Д. 125. Л. 86].

По максимуму, русские потери можно оценить в 1 тыс. конных и 2,5 тыс. пеших, в том числе более 1 тыс. убитых, похороненных после битвы [42. S. 55]. Многие просто разбежались: так, С. Змеев писал через месяц, что у него побито солдат с 1000, “и, чаять, меньше, потому что иные выходят” [7. Т. 3. С. 128]. Не менее 700 человек попали в плен [35. S. 366], в том числе воевода кн. С.Л. Щербатов, стрелецкие головы М. Ознобишин и М. Волков. Кстати, из пленных бежали в “государевы города” не только русские, но и многие белорусские шляхтичи и их челядники [5. Ф. 137. Оп. 1 Новгород. Д. 64. Л. 245; Ф. 210. Оп. 12. Д. 432. Л. 295, 307]. В заявленном числе взятых орудий – 60 – усомнился еще А. Валиевский, и то, что в дивизии Сапеги было лишь три взятых под Ляховичами пушки [7. Т. 3. С. 124; 22. S. 156], подтверждает сомнения. Количество отбитых знамен – 120 – тоже сильно преувеличено. Поляки, по собственным показаниям, потеряли свыше 300 человек убитыми и “огромное количество” ранеными [43. S. 667], при этом их потери приходятся преимущественно на кавалерию. Правда, убыль эта была восполнена перебежчиками и пленными. Кроме того, в их руки попала огромная добыча: полковая медная и серебряная казна, медные пушки, тысячи голов скота, продовольствие и боеприпасы.

Но главное, полностью провалились планы русского командования по наступлению на Варшаву. Уходивший отряд Хованского на р. Вилии был встречен новгородскими рейтарами, сопровождавшими полоцкий обоз, который повернул назад при известии о поражении [7. Т. 3. С. 139]. После этого боярин через Долгинов, Докшицы и Глубокое прибыл 26 июня в Полоцк. По пути в боях и, главное, в атмосфере паники была потеряна почти вся новгородская пехота: в Полоцке не досчитались 797 солдат (осталось 346) и почти всех драгун (осталось 11 человек). На смотре 1 июля объявилось только 2333 конных и 1144 пеших ратных людей Новгородского разряда, 135 конных и 400 пеших С.А. Змеева, не считая полоцкой шляхты (до 700 человек) [7. Т. 3. С. 117–119, 128; 5. Ф. 137. Оп. 1 Новгород. Д. 64. Л. 215–263 об.]. Конечно, с такими остатками полков, да еще и деморализованными, нечего было и думать о новом походе. Полковник А. Силин со своим Черниговским, частью Нежинского полков и “охотниками”, шедший “в сход” к С. Змееву, был застигнут известием о битве в Бобруйске и отступил к Нежину [7. Т. 3. С. 114, 115, 134]. Наконец, отряд кн. С.А. Хованского так и не был собран и более не упоминается в источниках. Единст-

венное, послам, предупрежденным об опасности, удалось вовремя ускакать из Борисова в Смоленск [7. Т. 3. С. 104].

Поражение повлекло за собой окончательное отпадение западной половины ВКЛ от царской власти: небольшие гарнизоны Новогрудка и некоторых других городов капитулировали сразу, а Брест, Гродно и Вильно – после одно-двухлетнего сопротивления [7. Т. 3. С. 349; 31. С. 352]. Правда, продвижение польско-литовской армии остановилось под Борисовым, взять который ввиду полного отсутствия осадных средств ей не удалось. Осенью же спешно созданный полк кн. Ю.А. Долгорукова остановит дальнейшее продвижение неприятеля на восток.

И все же Литовский поход 7168 г. кн. И.А. Хованского нельзя назвать бесплодным. Страшная память о нем заставляла литовцев уделять его полку самое пристальное внимание, подчас несоразмерное с реально исходящей от него угрозой, и почти забыть смоленское направление. Как говорили сами “языки”: “А на государевых ратных людей, которые в Полоцке, идут для того промысл чинить, что они им грубны, воевали в их земле 2 года и поветы разоряли” [7. Т. 3. С. 222]. Постоянное чрезмерное восхваление побед над Хованским всеми, сколько-нибудь причастными к ним мемуаристами показывает значение в их глазах этой личности и полка Новгородского разряда – полка, по объективным причинам одного из самых слабых и ненадежных в русской армии. События 1660 г. положили начало нескольким историографическим традициям в трактовке личности и исторической роли князя Ивана Андреевича Хованского – феномену, достойному отдельного исследования не меньше, чем история самого похода или полководческая деятельность воеводы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Очерки истории СССР. Период феодализма: XVII век / Под ред. А.А. Новосельского и Н.В. Устюгова. М., 1955.
2. Мальцев А.И. Россия и Белоруссия в середине XVII века. М., 1974.
3. Буганов В.И. Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин // Вопросы истории. 1996. № 3.
4. Кошелева О.Е. Коллективные челобитья дворян на бояр (XVII в.) // Вопросы истории. 1982. № 12.
5. Российский государственный архив древних актов.
6. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 1.
7. Акты Московского государства, изданные Императорской Академией Наук. СПб., 1894–1901. Т. 2: Разрядный приказ. Московский стол (1635–1659); Т. 3: Разрядный приказ. Московский стол (1660–1664).
8. Аграрная история Северо-Запада России XVII века / Ред. А.А. Шапиро. М., 1980.
9. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии Наук. СПб, 1836. Т. 4.
10. Новосельский А.А. Исследования по истории эпохи феодализма: Научное наследие. М., 1994.
11. Гадзяцкий С.С. Борьба русских людей Ижорской земли в XVII веке против иноземного владычества // Исторические записки. М., 1945. Т. 16.
12. Pamiętniki Samiela i Bogusława Kazimierza Maskiewiczów (wiek XVII). Wrocław, 1961.
13. Чернов А.В. Строительство вооруженных сил Русского государства в XVII веке (до Петра I). М., 1949.
14. Kotłubaj E. Galeria Nieswieżska portretów Radziwiłłowskich. Wilno, 1857.
15. Chrapowicki J.A. Diariusz. Warszawa, 1978. Cz. 1: Lata 1656–1664.
16. Codello A. Konfederacja wojskowa na Litwie w l. 1659–1663 // Studia i materialy do historii wojskowości. Warszawa, 1960. Т. VI. Cz. I.
17. Крестоприводная книга шляхты Великого княжества Литовского 1655 г. // Памятники истории Восточной Европы. М.; Варшава, 1999. Т. IV.
18. Акты, изданные Виленской комиссией для разбора древних актов. Вильно, 1909. Т. 34: Акты, относящиеся ко времени войны за Малороссию (1654–1667).
19. Записки отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. СПб., 1861. Т. 2.
20. Сагановіч Г. Невядомая вайна 1654–1667. Мінск, 1995.

21. *Ткачов М. А.* Замки Белоруссии. Минск, 1977.
22. *Walewskij A.* Historia wyzwolenia Rzeczypospolitej. Kraków, 1872. Т. II.
23. *Vorbek-Lettow M.* Skarbnica pamięci. Wrocław, 1968.
24. *Pamiętniki historyczne do wyjaśnienia spraw publicznych w Polsce XVII wieku.* Wilno, 1857.
25. *Буссов К.* Московская хроника 1584–1613 // Хроники Смутного времени. М., 1996.
26. *Витсен Н.* Путешествие в Московию 1664–1665. Дневник. СПб., 1996.
27. *Лукин П.В.* Народные представления о государственной власти в России XVII века. М., 2000.
28. *Зеленин Д.К.* Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. М., 1995.
29. *Зеленин Д.К.* Древнерусский языческий культ заложных покойников // Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1917–1934. М., 1999.
30. *Булычев А.А.* Между святыми и демонами (Заметки о посмертной судьбе опальных Ивана Грозного). 3. Погребение опальных царя Ивана Грозного в зеркале традиции (готовится к публикации).
31. *Kersten A.* Stefan Czarniecki 1599–1655. Warszawa, 1963.
32. *Podhorodecki L.* Kampania polsko-szwedzka 1659 r. w Prusach i Kurlandii // Studia i materiały do historii wojskowości. Warszawa, 1958. Т. IV.
33. *Nagielski M.* Chorągwie Husarskie Aleksandra Hilarego Polubińskiego i króla Jana Kazimierza w latach 1648–1666... // Acta Baltico-Slavica. Wrocław, 1983. Т. XV.
34. *Ткачоў М. А.* Абарончыя збудованні заходніх зямель Беларусі XIII–XVIII ст. Мінск, 1978.
35. *Kubala L.* Wojny Duńskie i Pokoj Oliwski 1657–1660. Lwów, 1922. (Szkice historyczne, ser. VI).
36. *Pasek J. Ch.* Pamiętniki Jana Chryzostoma z Gosławic Paska / Opr. J. Czubek. Lwów, [1929].
37. *Wimmer J.* Wojsko i finanse Rzeczypospolitej w czasie wojny ze Szwecją, 1655–1660 // Wojna polsko-szwedzka 1655–1660. Warszawa, 1973.
38. *Nagielski M.* Liczebność i organizacja gwardii przybocznej i komputowej za ostatniego Wazy (1648–1668). Warszawa, 1989.
39. *Majewski W.* Polska sztuka wojenna w okresie wojny Polsko-Szwedzkiej 1655-60 // Studia i Materiały do Historii Wojskowosci. Wrocław, 1958. Т. XXI.
40. *Wimmer J.* Wojsko polskie w drugiej połowie XVII wieku. Warszawa, 1965.
41. Сборник Московского архива Министерства юстиции. М, 1914. Т. 6.
42. *Пamiętniki Łosia towarzysza chorągwi pancernej...* Krakow, 1858.
43. *Encyklopedia Wojskowa / Red. O. Łaskowskij.* Warszawa, 1937. Т. VI.
44. *Собрание писем царя Алексея Михайловича с приложением Уложения сокольничья пути.* М., 1856.
45. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М, 1991. Кн. 6.
46. *Kurbatow O.A.* Połonka 1660 – spojrzenie z Moskwy // Mówią Wieki. 2000. № 10.